

Ленни

Когда я слышу “терминальный”, думаю про аэропорт.

Представляю обширную зону регистрации — высокий потолок, стеклянные стены, сотрудников в форме, поджидающих меня, чтобы узнать мое имя и информацию о рейсе, спросить, сама ли я паковала багаж и одна ли путешествую.

Воображаю отсутствующие лица пассажиров, сверяющихся с табло, родственников, которые, обнимаясь, обещают друг другу, что это не в последний раз. И представляю среди них себя. Позади катится чемодан — безо всякого усилия, ведь пол отполирован до блеска — и, высматривая на табло свой пункт назначения, я как будто парю.

Приходится, однако, вытащить себя оттуда и вспомнить, что для меня “терминальный” означает совсем другое.

Теперь вместо этого стали говорить “ограничивающий продолжительность жизни”. “Дети, юноши и девушки с заболеваниями, ограничивающими продолжительность жизни...”

Сестра произносит это как можно мягче, объясняя, что в больнице появилась служба психологической помощи для юных пациентов с заболеваниями в терминальной стадии. Она запинаясь, краснеет.

— Простите, я хотела сказать “ограничивающими продолжительность жизни”.

Не хочу ли я записаться? Психолог будет навещать меня в палате, или я сама могу приходить в комнату психологической помощи для молодежи. У них там теперь телевизор есть. Возможностей бесконечное множество, но это слово мне знакомо. Я не первый день в аэропорту. Не первый год.

Однако все еще не улетела.

Я медлю, разглядывая часы на резиновом браслете: они приколоты вверх тормашками к ее нагрудному карману. И покачиваются в такт ее дыханию.

— Хотите, я вас запишу? Наш психолог, Дон, очень славная, правда.

— Спасибо, не нужно. У меня своя терапия, и я прохожу ее прямо сейчас.

Она хмурится, склоняет голову набок.

— Да?

Ленни и священник

Я пришла к Богу, потому что здесь только это и остается. Говорят, если умираешь, значит, Бог призывает тебя обратно к себе, вот я и решила: познакомлюсь с ним заранее, и дело с концом. К тому же я слышала, что никто не может запретить тебе ходить в больничную часовню, если ты верующий, и не хотела упустить возможность побывать там, где еще не была, и заодно встретиться со Всемогущим.

Незнакомая медсестра с вишневыми волосами взяла меня под руку и повела коридорами мертвых и умирающих. Я смотрела вокруг, жадная до всего — всякого нового образа, всякого запаха, всякой непарной пижамной пары, попадавшей навстречу.

Мои отношения с Богом, можно, пожалуй, назвать сложными. Он как вселенский колодец желаний, насколько я понимаю. Я, бывало, кое-что просила у него, и иногда он выполнял. А в других случаях не отвечал. В последнее время я, правда, думаю, что мне, может, только казалось, будто Бог не отвечает, а он тем временем втихомолку вкладывал в мое тело всякую дрянь — на, мол, подавись, будешь знать, как

меня озадачивать, — которую мне предстояло обнаружить лишь спустя много лет. Закапывал клад для меня.

Вход в часовню впечатления не производил. Я надеялась увидеть изящную готическую арку, но вместо этого уперлась в массивные деревянные двери с квадратными матовыми окошками. И зачем это Богу матовые окошки? Что он там затевает?

Закрыв за собой дверь и оказавшись в полной тишине, мы с новенькой медсестрой как-то растерялись.

— Ну здравствуйте! — сказал он.

Мужчина лет шестидесяти, в черных брюках и рубашке с жестким белым воротничком. С таким видом, будто в этот момент счастлив как никогда.

Я поклонилась.

— Ваша честь.

— Это Ленни... Петерс? — уточнила сестра, обернувшись ко мне.

— Петтерсон.

— Ленни из Майского отделения, — тихо добавила она, отпустив мою руку.

Мягче и не сформулируешь. Она почувствовала, видимо, что должна предупредить его, ведь он радовался как ребенок, которому в рождественское утро вручили игрушечную железную дорогу в коробке с большим бантом, а на самом-то деле ему преподнесли уже сломанный подарок. Он может, конечно, полюбить эту штуковину, только колеса у нее отваливаются и вряд ли она доживет до следующего Рождества.

Взявшись за трубку капельницы, прикрепленной к другой штуковине на колесиках, я направилась к нему.

— Приду за тобой через час, — сказала новенькая медсестра и добавила еще что-то, но я уже не слушала. А смотрела, замороженная, вверх, на то место, откуда лился свет, и сияние всех мыслимых оттенков лилового и розового поражало меня в самую радужку.

— Тебе понравился витраж? — спросил он.

Коричневый стеклянный крест за алтарем освещал всю часовню. А от него расходились лучами осколки — лиловые, сливовые, пурпурные и розовые.

Казалось, витраж объят пламенем. Свет осыпал ковер, скамьи и наши тела.

Он терпеливо стоял рядом, пока я, насмотревшись, не повернулась наконец к нему.

— Рад познакомиться, Ленни. Меня зовут Артур.

Он пожал мне руку и, надо отдать ему должное, не вздрогнул, прикоснувшись к тому месту, где в мое тело зарывалась капельница.

— Присядем? — он указал на ряды пустых скамей. — Очень рад с тобой познакомиться.

— Вы это уже говорили.

— Правда? Прости.

Я подкатила капельницу к скамье и, прежде чем сесть, потуже затянула пояс халата.

— Будьте добры, извинитесь перед Богом за мою пижаму.

— Ты уже извинилась. Он все слышит. — Отец Артур уселся рядом.

Я смотрела на крест.

— Что привело тебя сюда сегодня, Ленни?

— Да вот подумываю подержанный BMW купить.

Как с этим быть, он не знал, поэтому взял Библию, лежавшую рядом на скамье, пролистнул, не глядя, и положил обратно.

— Вижу, тебе... э-э-э... витраж понравился.

Я кивнула.

Повисла пауза.

— У вас есть обеденный перерыв?

— Что, прости?

— Просто интересно: вы закрываете часовню и идете в столовую вместе со всеми или обедаете прямо тут?

— Я, ну...

— Но вообще это даже наглость — уходить на обеденный перерыв, когда у вас, собственно говоря, и так целый день перерыв.

— Перерыв?

— Сидеть в пустой часовне — не такой уж тяжкий труд, ведь правда?

— Здесь не всегда так тихо, Ленни.

Я взглянула на него — уж не обиделся ли? — но так и не поняла.

— По субботам и воскресеньям у нас месса, по средам мы читаем Библию с детьми, и посетителей у меня больше, чем тебе, наверное, кажется. Больница — место жутковатое. Приятно побыть там, где нет врачей и медсестер.

Я снова принялась разглядывать витраж.

— Ну так как, Ленни, был у тебя повод сегодня прийти?

— Больница — место жутковатое, — сказала я. — Приятно побыть там, где ни докторов, ни медсестер.

Он, кажется, засмеялся.

— Хочешь остаться одна?

И, судя по тону, не обиделся.

— Не очень.

— Хочешь поговорить о чем-то конкретном?

— Не очень.

Отец Артур вздохнул.

— Хочешь, чтобы я рассказал про обеденный перерыв?

— Да, пожалуйста.

— Я обедаю с часу до часу двадцати. Ем порезанный треугольничками белый хлеб с яйцом и кресс-салатом — моя домработница готовит. Вон за той дверью, — указал он, — мой кабинет, там я за пятнадцать минут съедаю сэндвич и пять минут пью чай. А потом опять выхожу. Но часовня всегда открыта, даже если я в кабинете.

— Вам за это платят?

— Никто мне не платит.

— На что же вы тогда покупаете ваши яйца и сэндвичи с кресс-салатом?

Отец Артур рассмеялся.

Мы посидели молча, а потом он опять заговорил. Нелегко ему давалось молчание — священнику-то. Я думала, именно тишина дает Богу возможность проявиться. Но отец Артур, видно, тишину не любил, поэтому мы обсудили его домработницу миссис Хилл, которая из отпуска всегда посылала ему открытки, а вернувшись, выуживала их из лот-

ка с корреспонденцией и приклеивала на холодильник. Поговорили о том, как меняют лампочки в витраже (там сзади потайной ход). О пижамах поговорили. Он очень устал, кажется, к тому времени, когда за мной пришла Новенькая Медсестра, но все равно сказал: надеюсь, ты придешь снова.

Однако удивился, по-моему, когда на следующий день я явилась опять — в новой пижаме и на сей раз без капельницы. Джеки, старшую медсестру, мое намерение пойти в часовню и на второй день не очень-то обрадовало, но я, посмотрев на нее пристально, тихо проговорила:

— Мне очень нужно.

А как откажешь безнадежно больному ребенку?

Джеки вызвала медсестру, чтобы меня сопроводить, и опять пришла та, новенькая. Ее вишневые волосы конфликтовали с голубой униформой не на жизнь, а на смерть. В Майском отделении — Мэй-урд — она работала всего несколько дней, поэтому нервничала, особенно в обществе детей из аэропорта, и отчаянно ждала от кого-нибудь подтверждения, что хорошо справляется. В коридоре по пути к часовне я отметила, какой она превосходный провожатый. Кажется, новенькая была довольна.

Часовня опять пустовала, если не считать отца Артура — он сидел на скамье в длинном белом одеянии поверх черного костюма и читал. Не Библию, а какую-то книгу формата А4 в дешевом переплете

с глянцевой ламинированной обложкой. Новенькая Медсестра открыла дверь, и я, поблагодарив ее, проследовала внутрь, но отец Артур не пошевелился. Сестра отпустила дверь, та затворилась за нами с глухим тяжелым стуком, и только тогда он обернулся, надел очки, заулыбался.

— Пастор... м-м-м... преподобный? — проговорила, запинаясь, Новенькая Медсестра. — Она... м-м... Ленни хочет побыть здесь часок. Можно?

Отец Артур захлопнул книгу, лежавшую у него на коленях.

— Ну конечно.

— Благодарю вас... м-м-м... викарий?

— Святой отец, — шепнула я.

Она скривилась, залилась краской — тоже вступившей в конфликт с цветом ее волос — и ушла, не сказав больше ни слова.

Мы с отцом Артуром уселись на ту же скамью. Оттенки витража были восхитительны, как и вчера.

— Опять здесь пусто.

Мои слова отозвались эхом.

Отец Артур промолчал.

— А раньше часовня не пустовала? Ну прежде, когда люди были набожней?

— Она и сейчас не пустует.

Я повернулась к нему.

— Кроме нас тут никого.

Он явно был в стадии отрицания.

— Вам, видно, не хочется об этом говорить, что вполне понятно. Досадно, наверное. Как будто вы закатали вечеринку, а никто не пришел.

— В самом деле?

— Ну да. Вот вы сидите тут в лучшем своем вечернем платье, белом, с красивой вышивкой — виноградные гроздья и все такое...

— Это облачение. А не платье.

— Ну облачение. Вот сидите вы в своем вечернем облачении, накрыли стол к обеду...

— Это алтарь, Ленни. И не обед, а Святые Дары. Хлеб Христов.

— И что, он не поделится?

Отец Артур посмотрел на меня укоризненно.

— Это для воскресной службы. Я не ем священный хлеб на обед и не обедаю у алтаря.

— Да-да, вы едите яйцо с кресс-салатом у себя в кабинете.

— Точно. — Он даже просиял, ведь я что-то о нем помнила.

— Ну вот, вы все подготовили для вечеринки. Есть музыка, — я указала на унылый проигрыватель для CD и кассет в углу, рядом с которым лежали аккуратной стопочкой диски, — и есть где рассестись, — я указала на ряды пустых скамей. — А никто не идет.

— На мою вечеринку?

— Именно. Целый день, каждый день вы закатываете вечеринку в честь Христа, а никто не приходит. Ужас как неприятно, наверное.

— Ну... м-м-м... Ну можно, пожалуй, и так сказать.

— Простите, если делаю только хуже.

— Ничего ты не делаешь хуже, но, честное слово, Ленни, здесь не вечеринка. А место богослужения.

— Ну да. Нет, это мне ясно. Я просто хотела сказать, что понимаю вас. У меня тоже была однажды вечеринка — мне исполнилось восемь, мы только переехали в Глазго из Швеции. Мама пригласила всех моих одноклассников, но почти никто не пришел. Хотя по-английски мама в то время говорила так себе, поэтому очень даже может быть, что все пришли, просто не туда — стояли с воздушными шарами и подарками и ждали, когда же начнется вечеринка. Так мне, по крайней мере, хотелось думать.

Я помолчала.

— Продолжай, — предложил отец Артур.

— Ну вот, я сидела в гостиной, на одном из стульев, которые мама расставила кружком, ждала, когда кто-нибудь явится, и чувствовала себя отвратительно.

— Печальная история.

— Вот я и говорю. Обидно, когда никто не приходит на твою вечеринку, знаю. И мне очень жаль. Просто вам, по-моему, лучше этого не отрицать. Проблему можно решить, только посмотрев ей в лицо.

— Но часовня не пустует, Ленни. Не пустует, потому что ты здесь. Не пустует, потому что наполнена Духом Божьим.

Теперь я посмотрела на него укоризненно.

Он поерзал на скамье.

— Да и что смешного в уединении? Здесь ведь не только место богослужения, но и место покоя. — Он поднял глаза к витражу. — Я очень рад, что с каждым пациентом могу побеседовать наедине, а значит, уделить ему все свое внимание, и, не пойми прев-

ратно, Ленни, но, мне кажется, Богу угодно, чтобы именно тебе я уделил все свое внимание.

Эти слова меня насмешили.

— Я думала о вас в обед. Вы и сегодня ели яйцо с салатом?

— Ел.

— И как?

— Как всегда, чудесно.

— А миссис?..

— Хилл. Миссис Хилл.

— Вы рассказали миссис Хилл о нашем разговоре?

— Нет. Сказанное здесь — тайна. Поэтому люди сюда и приходят. Можно говорить начистоту и не бояться, что кто-нибудь узнает потом.

— Так это исповедь?

— Нет, но если хочешь исповедаться, с радостью помогу тебе это устроить.

— Если не исповедь, что тогда?

— А что тебе угодно. И часовня эта станет для тебя чем угодно, затем и существует.

Я оглядела пустые скамьи, электронное пианино под пыльным бежевым чехлом, доску объявлений с приколотым к ней изображением Иисуса. Если эта часовня может стать чем угодно, то что мне угодно?

— Хочу, чтобы она была местом ответов.

— Она может им стать.

— Может ли? Разве может вера вообще дать ответ на вопрос?

— Ленни, Библия учит, что Христос помогает найти ответ на любой вопрос.

— Но можно ли получить ответ на конкретный во-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

прос? Если честно? Можете вы мне ответить на вопрос, не говоря, что жизнь есть тайна, или все есть замысел Божий, или ответы, которых я ищу, придут со временем?

— А ты сначала задай вопрос, и будем вместе разбираться, как Бог поможет нам найти ответ.

Я откинулась на спинку скамьи, и та скрипнула. Эхо раскатилось по часовне.

— Почему я умираю?